

Владимир Положенцев

Кротовая нора

Иронические рассказы

Владимир Положенцев
Кротовая нора.
Иронические рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39426119

ISBN 9785449381422

Аннотация

Прошлое всегда лучше настоящего. Вернуть его невозможно, но столкнуться с ним нос к носу можно в любой момент через кротовую нору сознания. И тогда мы погружаемся в цветущий сад изобилия, каким бы неоднозначным и ироничным прошедшее ни было.

Содержание

Розовая свинья	5
Перебор	23
Окурок	31
Живительный ручей	39
Пятачок	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Кротовая нора

Иронические рассказы

Владимир Положенцев

© Владимир Положенцев, 2018

ISBN 978-5-4493-8142-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Розовая свинья

Говорят, любовь – лишь набор химических реакций в организме. Взаимодействие всяких там окситоцинов, допаминов, эндорфинов. Эти вещества затуманивают мозг похлеще алкоголя, поэтому влюбленные часто похожи на пьяных идиотов. Признаюсь, в свое время я был, в этом плане, хроническим алкоголиком и неисправимым психом. Но гормональный фон спадает гораздо быстрее радиационного, а потому, набив себя «по пьяни» не мало шишек, я в конце концов, успокоился.

Хм, как ни крути, а человек по сути никогда не меняется. Родился серым голубем, журавлем не станешь. Это я к тому, что завязавшим алкашам нельзя давать нюхать и капли спиртного. Однако, как известно, свинья всегда грязи найдет. И в один прекрасный день, господа, меня накрыло на старые генетические дрожжи по полной программе.

Я влюбился в нее сразу. И в кого бы вы думали? В послушницу, торговавшую на православной выставке-ярмарке пучками каких-то целебных трав, мазями и эликсирами. Не знаю даже что меня в ней зацепило. А что в женщинах цепляет? Знал бы, жил без валидола.

На ярмарку-то я идти не предполагал. Гулял по парку, размышляя о жизни, и вдруг почувствовал как в воздухе что-то разлилось. Вязкое, с острым гвоздичным запахом. И словно

дорожка эфирная протянулась. Потянуло меня по ней, будто магнитом и привела она меня точно к круглому павильону, на выставку.

Не понравилась мне эта ярмарка. На прилавках – иконы, кресты, свечи, прочая церковная утварь, а рядом – копченая скумбрия, икра, специи, медовуха. Потребности души и желудка в одном флаконе. Жуткая смесь, ничего возвышенного.

Ну раз пришел, не терять же время понапрасну. Решил на халяву напробоаться меда. Про медовуху тоже не забыл. Когда от сладкого зачесались уши, удовлетворенный пошел к выходу.

В крайнем ряду, там где продавали культовую литературу попеременно с турецкими золотыми побрякушками, в одной из секций с табличкой «Зареченский женский монастырь. Н-ское подворье» и увидел ее.

Меня так током и прошибло. Она перебирала длинными, аристократическими пальцами без маникюра пакетики с травами. Её лицо было вылеплено словно из бледно-желтого воска. Ровное, красивое, почти детское, без каких-либо изъянов... и эмоций. На лбу – темно-серый платок, глаза смиренные, отрешенные, опрокинутые в себя.

Я застыл как столб. Что же это делается, господа, такая молодая, красивая и уже божья невеста! С чего бы радостей жизни себя лишила?

Я незаметно сфотографировал ее на айфон.

Вообще-то, я всегда несколько комплекую перед красивыми женщинами, а тут как черт меня в охапку взял. Наверное, и медовуха сыграла свою роль.

– А что, – спрашиваю, будто не своим языком, – вы делаете сегодня вечером?

У монашки аж платок со лба съехал на переносицу, она застыла как от заморозки. Но глаз не подняла.

– Возьмите бальзам лесной, от хвори в суставах помогает, – наконец тихо произнесла она.

– Да бог с ним, с бальзамом, как вас зовут?

Довольно долгое молчание.

– Нам не положено на эту тему. Послушница Мария. Травяной целебный чай с зверобоем и мятой.

– Ага, значит, еще не монахиня, только готовитесь, – обрадовался я. – А ЕМУ это надо, чтобы вы всю жизнь перед иконами коленки протирали? Человек рожден для счастья.

– Мое счастье в служении, – произнесла девушка опять после паузы.

– Вот и служите, выполняйте свое прямое предназначение, продолжайте род человеческий. Сказано же в писании: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю.

Мария залилась розовой краской. Глаза по-прежнему были опущены долу.

– Вы будете что-нибудь брать?

– Как вам не стыдно, – понесло меня дальше, – вы совершаете преступление, закапывая свою красоту и молодость!

Опомнитесь, природа вам этого не простит. Пойдемте лучше сегодня в ресторан. В Останкино есть замечательное место, «Розовая свинья» называется.

Видно, говорил я громко. Откуда-то сбоку появился низкорослый попик в просторной рясе, с окладистой, торчащей вперед бородой. Он напоминал персонаж из фильма о Нарнии.

– Что здесь происходит? – спросил он, слегка коснувшись меня своим кругленьким животом. В его взгляде читалась угроза.

– А это еще кто, ваш душеприказчик?

Она ничего не ответила, а попик обежал меня справа, подбоченился. Наклонил голову, прищурился.

– Ведите себя прилично, сын мой, не на рынке.

– Да, а где же я? Вы святые лики и писания вместе с вареной колбасой продаете, позор! Только бы нажиться. И травы ваши дрянь, поди, под забором собирали, а теперь гражданам втюхиваете.

– Ну уж, это знаете ли..., – задохнулся служитель культа, – вообще ни в какие ворота. Буду сейчас охрану вызывать.

– Не надо, – вдруг сказала послушница и подняла глаза.

Это были оазисы на фоне желтой пустыни лица, из которых хотелось напиться. В них плескались голубая вода и прозрачное небо одновременно, а, главное, они были живые, осмысленные и даже несколько ироничные.

Вот тебе и послушница, еще не успела иссохнуть. Неда-

ром меня сюда принесло.

– Почему не надо? – изумился келарь. Или кто он там был. – Что, понравился? Я всегда говорил, что тебя и в трудницы нельзя было брать, не то что в послушницы. Бесстыдница. Я тебе еще прогулки под луной с Борей Бочкиным из пекарни припомню. Все расскажу о твоих похождениях матушке-настоятельнице, она тебя высечет и в кладовку запрет.

– Рассказывай, отец Василий! – вспыхнула Мария и больше не оставалось в ее глазах ни капли послушания и отрешения, цвет лица ее преобразился, стал закатным. – Надоели вы мне все пуще горькой редьки, уйду от вас!

Кажется, она слегка подмигнула келарю. А он ей в ответ. Или показалось? Точно показалось, так как Мария продолжила свою гневную речь:

– Ты сам, ключник, старый развратник, видала я, как ты на Троицу, с двумя сестрами на кухне заперся, а на Благовещение с семинаристом в сарае. Он потом себе смартфон, прости господи, купил. А еще, отец Василий, ты портвейн молдавский пьешь без меры, а затем недозволительные речи со служками ведешь. Знаем мы вас, вольнодумцев.

– Что?!

– А то, – зло засмеялась послушница. – Тебя и твоих дружков бородатых, давно пора в органы сдать. И с кем я связалась, подумать только! Но вот он, – девушка указала на меня пучком травы, – мне глаза открыл. – Всё, пропадите вы про-

падом со своими молебнами, ночными бдениями, постами, воздержаниями и прочей чепухой. Надоело! Жить хочу полной грудью. Спать с мужиками и рожать детей!

Я слушал и не верил своим ушам. Не может быть! Неужели это я подтолкнул красавицу к бунту? Неужто и она в меня с первого взгляда влюбилась? А почему бы нет? – влюбиться, все равно что из колодца напиться, не проблема. Правда, потом похмелье, как от паленой водки, может замучить.

Но все же придержал свою радость – видимо, у нее давно назревало, а я просто вовремя подвернулся, проколол ее терпение, словно воздушный шарик иголкой. Что ж, бывает.

Мария выбралась из-за прилавка, сдернула с головы мышиный платок. Боже, какие у нее оказались шикарные волосы – пышные, пшеничные, в серебряных перышках.

Странно, подумал я, она что подкрашивается, разве в монастырях сие разрешается? Впрочем, женщина везде хочет выглядеть красивой, даже в гробу.

А она схватила пакеты с травяными сборами, банки с мазями, бутылочки с эликсирами и швырнула их в лицо отцу Василию.

Это был, конечно, перебор, но душа моя возликовала, я явственно ощутил большую, искреннюю любовь. До судного дня.

Посетители ярмарки и торговцы, среди которых было немало безликих послушниц, замерли, затихли. Мария же взяла меня под руку, окинула всех презрительным взглядом,

сплюнула в сторону попа и, прижавшись ко мне теплым, видимо, измученным долгим томлением телом, шепнула:

– Веди в твою «Розовую свинью», здесь душно, дышать нечем.

В чудеса не верю, но в редкие подарки судьбы очень даже. Она, злодейка, может годами смеяться над тобой, подставлять ножи, а потом ни с того ни сего вдруг раз – и предоставит удивительный шанс. А тут уж не зевай. Проморгаешь, потом всю жизнь локти кусать будешь.

В тот момент я готов был отправиться не в ресторан, а сразу в ЗАГС.

На улице обдало свежим воздухом и первым колючим снегом. Так и дошли мы с ней до выхода из парка, а на трамвайной остановке она сжала мне локоть, подняла на меня свои синие оазисы.

Вдруг всплакнула и сказала такое, от чего душа моя провалилась в пятки, а в сердце будто вбили осиновый кол.

– Знаешь, я не могу пойти с тобой в «Розовую свинью». Вообще никуда.

– Как же так? Почему?!

– Я люблю Борю Бочкина. Из-за него и в монастырь ушла. Он спутался с Зинкой из Тюмени. А теперь пишет, что раскаивается и просит прощения. Если, говорит, не простишь и не вернешься, женюсь на Зинке через неделю. Что посоветуешь? Ты, вижу, мудрый.

Да, я обтекал горячей смолой, но как порядочный и гор-

дый человек не мог ответить иначе:

– Выбор есть всегда, главное – не промахнуться. Рад за тебя. Если любишь, конечно, возвращайся.

Сказал и вспомнил слова двоюродной бабки из деревни: «Близка чужая радость, когда и тебе от нее малость». А что мне от того, что она вернется к хлебомесу Бочкину? Думал, подарок судьбы, оказалось – опять подножка.

– Денег нет на дорогу. От Красноярска до Абакана лететь, а там на перекладных, – опустила она глаза, будто вновь оказалась за прилавком с травами.

Скотина все же этот Боря – если не вернешься, через неделю женюсь на другой. Нормальные люди разве так поступают? Но я не стал говорить об этом Марии. Влюбленные все упрямы, как парнокопытные, их не переубедишь, хоть на голове стой. Не видят, вернее, не хотят видеть самых элементарных вещей. Как жаль, что эта удивительная девушка не находит во мне того, что нашла для себя в каком-то провинциальном пекаре. Ну лицом, может, и не Мастрояни, но душой... Ладно, будешь вспоминать порядочного человека!

– Хорошо, – говорю, – сколько вам нужно? – перешел я на «вы». Она последовала моему примеру.

– Не сомневайтесь, – засуетилась послушница, – я все до копейки вам верну. Почтой вышлю или на электронный счет положу, какой у вас номер телефона? Нужно тридцать семь тысяч восемьсот пятьдесят рублей, я все посчитала.

Самолет, питание, местный транспорт и на одежду. Не пойдешь же к жениху в таких обносках.

Однако, точность. Я машинально полез за айфоном, но так и не достал. Деньги на карточке, конечно, были, скопил, чтобы ноутбук заменить. Покупку придется отложить. Жалко, но решил, значит решил. Указал в сторону торгового центра:

– Прошу к банкомату.

Мария бежала за мной козочкой и что-то бляела, но мне уже было не интересно что именно. Обида, огромная обида на себя, на нее, на весь мир. Снова удача прошла мимо. Не успокаивала и мысль, что, делая добро, ты преображаешь мир и оно вернется к тебе в трехкратном размере. Ну да, как кто-то верно заметил, обычно оно возвращается, садится на шею и свешивает ноги.

Банкомат в магазине не работал, пришлось снимать деньги в ближайшем отделении банка. Она держала купюры в руках и не верила своему счастью.

– Вы благородный и честный человек, дайте я вас поцелую.

Мария чмокнула меня в щечку и сказала:

– Ну, ладно, мне пора на вокзал. Не провожайте, плохая примета.

Развернулась и пошла.

– А номер моего телефона?! – сорвался мой голос на петушиный крик.

– Ах, да! – обернулась послушница и на ее лице появилась кислая гримаса.

Своего мобильного у нее не оказалось, поэтому я записал номер на бумажке, туда же приписал адрес, фамилию и имя отчество. Молча протянул ей. Еще теплилась надежда – вдруг бросится на шею и начнет горячо целовать! Ага, сейчас.

Она растворилась в начавшейся метели, послав мне на прощание воздушный поцелуй.

Прошло около двух недель, а средств на моем виртуальном счете так и не прибавлялось. Перевода тоже не было. Что ж, рассуждал я, видно, вышла замуж за Борю и денег пока нет. Пришлет, обязательно пришлет.

А где-то еще дней через пять я заглянул на рынок в соседнем районе. Вдруг вижу выходит из него с полными авоськами тот самый поп Василий, только в обычной гражданской одежде и без бороды. Глаз у меня цепкий, наметанный.

И тут сразу, как шприцем укололо. Да меня же развели, словно последнего ежика в тумане! Целый спектакль разыграли. Потому и перемигивались. Вот тебе и послушница! Вот тебе и келарь! Психологи, ничего не скажешь.

Перехватил я «ключника» у наземного перехода, положил руку на его низкое плечо.

– Привет, – говорю, – святой отец. Узнаешь?

Тот поднял свои совиные глаза, шмыгнул носом:

– Обознались, молодой человек.

Не успел я еще и слова сказать, как он запрыгнул в такси, которое тут же тронулось, обдав меня вонючим дымом. А я так и остался стоять с разинутым ртом.

Понятно, все понятно. Что ж, придется наконец включать мозги.

Спустился в подземку и поехал в парк. Выставка-ярмарка к моему счастью еще работала.

Секция, где торговала Мария, была пуста.

Подошел к охраннику-великану с квадратным лицом, вежливо поздоровался. Протянул пятьсот рублей. Купюра сначала скрылась в кармане, потом уже в глазах амбала появился интерес.

Я показал ему фото на мобильнике.

– Тут послушница Мария травками всякими торговала из Зареченского женского монастыря N-ского подворья. За ней еще низенький поп с рыжей бородой присматривал.

– Помню, в первом ряду. Что, облапошили, травки пустые подсунули? – осклабился охранник.

– Типа того. Как бы мне узнать их фамилии? Жалобу хочу в департамент написать.

Квадратная голова оказалась у моего уха:

– Правильно. Скажу по секрету, тут почти все жулики, тухлой рыбой и разбавленным медом торгуют, а уж от их лечебных эликсиров – одно расстройство желудка.

– Как же так? А администрация куда смотрит?

– Думаешь, у торгашей бумаги требуют? Главное, за арен-

ду места заплати, а кто ты, какую табличку над павильоном повесишь, во что оденешься, никого вообще не волнует. Хоть Римским папой наряжайся. Директора комплекса давно под суд пора, во взятках погряз. Своим знакомым и родственникам бесплатно павильоны для спекуляций сдает.

– Вот, значит, как.

– А то! Как и повсюду.

– Может, и послушница Мария его родственница?

– Не исключено. Хотя, думаю, любовница. Родственников по кабакам не водят. Я тут в ресторанчике «Три сосны», что на 5-й аллее подрабатываю, так видел их там вместе пару раз.

– Что же сразу не сказал?

– А ты и не спрашивал.

Узнав, что директора зовут Паша Семипалов, выдав охраннику еще пятьсот рублей, я откланялся.

Остальное было делом техники. В «Трех соснах» я оставил почти последние деньги, посещая целую неделю довольно затхлое, но помпезное заведение. Наконец в субботу мне повезло.

Часов в восемь вечера появилась долгожданная парочка. Моя «возлюбленная» в изумительном синем платье со свежей прической, под ручку с толстеньким пижоном в кремовом пиджаке и зеленом галстуке с блестящей заколкой. Он постоянно потел и вытирал морщинистый лоб маленькой ладонью.

Когда они уселись, я незаметно их сфотографировал.

К парочке тут же подбежал официант, по-старинному раскланялся. Буквально через полминуты на их столике с ажурной лампой появились закуски и бутылка вина.

Я неспешно подошел, взял в руки бутылку. Чилийское сухое Frontera.

– Что же вы, – обращаюсь к мужику, – дешевым напитком даму сердца угощаете? Такое только в подворотнях употребляют. Могли бы со своих барышей французским Sauvignon Napa Valley урожая 1941 года угостить.

Ухажер выпучил мутные глаза в красных прожилках, а моя Мария сощурилась. Испуга и удивления на ее лице не было. Крепкая штучка.

– Ближе к народу, больше кислороду, – с вызовом произнесла она. – Присаживайтесь, закажите себе, что считаете нужным.

– Хорошая идея, – похвалил я девушку, щелкнул пальцами.

Прибежавшему кельнеру прошептал заказ на ухо, загордившись ладонью.

– Ну, как поживаете? – спросил я. – Удачна ли была сегодня охота?

– Не каждый день крупная дичь попадается, – сказала Мария.

– Кто это, Наденька? – наконец поинтересовался мужчина, уронив каплю пота в тарелку с крабовой закуской.

Значит, Наденька. Забавно. Мне с Наденьками всю жизнь

не везло, всё какие-то вертихвостки попадались.

– Товарищ из общественных органов, Пашенька.

– Из карательных, – уточнил я. – А вы, Пашенька, подождите, не перебивайте аппетит, сейчас очень вкусные блюда подадут.

Расторопный официант уже ставил на стол копченый осетровый бок, плоску черной икры, вазочку красной, бутылку шампанского Вдова Клико, прочих дорогущих вин и закусок, на которые у меня хватило фантазии. Когда тарелки и бутылки уже ставить было некуда, я самолично открыл шампанское. Пробка отлетела в потолок, отскочив, попала директору в темечко.

– Ой, – по-бабьи воскликнул Семипалов, подобострастно хихикнув.

– Извините, – сказал я, – шикарная жизнь требует жертв. – Что ж вы сидите, как на собственных похоронах, кушайте! А то отощаете, в академии не признают, обратно не примут.

Словарь известных мне бластных слов был скромен, но я знал, что «академией» на жаргоне называется – зона.

– Береги Наденьку, Пашенька. Ведь главное надежда, без нее-и жизнь не жизнь. Прогресс, конечно, на лицо, – открыл я телефон и продемонстрировал снимок «послушницы» на ярмарке. – Такой серенькой, худенькой была Надюша еще пару недель назад, а сейчас просто дама из высшего света.

Теперь «послушница» покраснела, скорее всего, от злобы,

попыталась согнуть вилку. Семипалов, отличавшийся, как я успел заметить, туповатостью, никак не отреагировал на фото. Явно не он в шайке главный.

– Так вот, – говорю, – о сих метаморфозах с личностью пока еще не знают мои коллеги из Зареченского карательного филиала. Пока не знают. Кстати, на днях я встретил вашего бородатого келаря и имел с ним содержательную беседу. Где бы вы думали встретил? На рынке. Всё понятно?

Наденька хотела, вероятно, сказать что-то многозначительное, но осеклась, обреченно кивнула головой:

– Более чем.

– Так-то оно лучше.

Я оторвал у горячего лобстера клешню, смачно высосал содержимое. Сок попал на лицо директора, но он не произнес ни слова, только вопросительно посмотрел на девушку. Сомнений нет – она главарь банды. Без «послушницы» ничего не решается. А он так, голубой воришка.

Я же свою задачу выполнил. Обильно запив лобстера шампанским Вдова Клико, бросил на стол накрахмаленную салфетку, поднялся.

– Приятно провести время, звоните.

Сомнения, конечно, были. Жуликам известен мой адрес, могут покалечить или вовсе убить. Но, кажется, я рассчитал всё верно. Они же не знают каким образом я вычислил Марию-Надю и бородатого келаря, может, я действительно служу в органах а, значит, ничего криминального предприни-

мать не станут.

Мой расчет оказался верным, но не совсем. Деньги уже на следующий день были переведены на мой электронный счет, причем аж 80 тысяч, а вот в четверг мне позвонила сама Наденька.

– Надеюсь, мы квиты? – спросила «послушница».

– Не совсем, – ответил я неожиданно для себя. – Я приглашал тебя в «Розовую свинью». Приглашение остается в силе, тем более, деньги теперь есть.

Наденька оказалась никакой не бандиткой, а отчисленной с пятого курса студенткой мясо-молочного института. Училась на платном отделении да кончились деньги. Папа, он же ряженный бородатый поп, через двоюродного племянника Диму, работающего охранником в парковом комплексе, узнал об открытии православной ярмарки. На ней, мол, можно неплохо заработать, продавая втридорога всякие травки, купленные на обычном рынке у старух. Золотая жила. На религиозные выставки народ валом валит и скупает все подряд, надеясь, что под сенью церкви их не обманут. Дима познакомил Надю с директором Семипаловым, а тот сразу на нее запал. Ходила с ним в рестораны, но ничего лишнего ему не позволяла. Да он и сам активности не проявлял. Жулик по призванию, но прибитый пентюх. Встречаются и такие уникамы.

– Для чего влюбленную разыграла, как вообще пришло подобное в голову?

– Экспромт, чистая импровизация, папа меня всегда с полуслова понимает.

– Зачем же тогда Дима выдал мне директора и тебя вместе с ним?

– Из мести. Ревновал меня к Паше. Кузены, говорит, за границей могут жениться на своих сестрах. Дурак одним словом. Забудем, а?

– Откуда ты знаешь, что я не мент? Надену сейчас наручники и в кутузку.

– Был бы ментом, – сказала со вздохом Наденька, – уже надел. К тому же я проследила, куда на работу едешь. На телевидение.

– Хитрая.

– По другому сегодня нельзя.

Когда мы вышли из ресторана, в небе ярко горели звезды, некоторые из них падали. Но загадывать желаний я не собирался.

– Ну вот, теперь я полностью выполнил намеченную программу, – сказал я удовлетворенно.

– Всю на сегодня? – лукаво спросила Наденька.

Я ее прекрасно понял, она готова была ехать ко мне. Открыл дверцу, стоявшего у ресторана такси:

– Отвезете девушку домой.

– Как?! – растерялась Наденька.

– Вот так, мадемуазель. Я человек порядочный и после не смогу с вами расстаться. Но жить с человеком, который,

не моргнув глазом, способен тебя в любой момент обмануть, не в моих правилах. Рецидивисты на путь исправления не встают.

– Для чего же в «свинью» приглашал?

– А судьбе язык показать, не все ей надо мной куражиться.

Пошел!

Такси плавно тронулось с места и навсегда увезло от меня Наденьку. Больше она не звонила и не приходила, а я и не жалел.

От влюбленности не осталось и следа.

Нет, все эти чувства – точно химия. Одна лишняя капля и термическая реакция переходит в эндотермическую. Главное, чтобы взрыва во время опыта не произошло, вон сколько вокруг покалеченных.

Перебор

Помощник режиссера Феликс Бабочкин возвращался поздно вечером от друзей. Денег на такси не было, почти всё прогуляли, поэтому пришлось прибегнуть к услугам общественного транспорта.

Тускло раскачивались фонари, начавшаяся крупная метелица норовила залезть под воротник, больно кусалась за нос. Под ногами жутко скользило, видно, дворники давно не сыпали здесь соли с песком, а, возможно, и вообще никогда. Узкая дорожка между гаражами проходила в довольно глухом месте, в стороне от улицы.

Когда Феликс выбрался на ровный асфальт, с облегчением вздохнул. Тоже скользко, но если что можно хотя бы ухватиться за деревья. Ну и райончик, пока доберешься до автобуса, все ноги переломаешь.

До остановки было еще метров пятьсот. Вокруг – ни души. И не удивительно, в такую погоду и собаку хозяин на улицу не выгонит. По левую руку – пустырь, по правую, метрах в ста – микрорайон, но в этот поздний час окна в домах почти не горели.

Где-то завыла собака, её подхватила другая, на секунду блеснула Луна и снова скрылась в непроглядном ночном небе.

– Эй, гражданин, – раздалось неожиданно рядом и сбо-

ку, – у вас на минуту не будет мобильного телефона? Батарейка села, а нужно срочно хозяину позвонить. Заплачу.

Бабочкин резко обернулся. У бетонного спуска в какой-то подвал или парковку, под желтым фонарем, стояли двое ужасных типа. Оба плечистые, в мятых фуфайках и тренировочных штанах с лампасами, рожи квадратные, наглые, глаза маленькие, узкие. Тот что к нему обратился, имел большой шрам на щеке, как у Отто Скорцени. Словом, бандиты с большой дороги.

Бабочкин сглотнул – только этого еще не хватало. Смартфон-то в кармане не дешевый, пришлось купить на последние, чтобы соответствовать дресс коду. Все же помощник первого режиссера. Покажи я его этим типам и где меня потом будут искать? С собаками розыскными не найдут. Заплатит, шас, кастетом по голове. Вон, руку за спиной держит. Что же, и у приятеля батарейка села? Ага, так и поверил.

Бандит, видимо, уловил ход мыслей Феликса.

– И коллега свой телефон случайно уронил. Вдребезги. Стационарный за неуплату отключили. В общем, ситуация, выручай, друг.

Друзья твои на зоне отдыхают, подумал Бабочкин. Не дашь телефон, все равно башку проломают, специально место глухое подобрали. Надо их сразу на место поставить.

Может убежать, закричать на всю округу – караул, грабят! Тогда, может, не посмеют тронуть. Но в мозгу вдруг созрела иная мысль.

Принял самый непринужденный вид, на который был способен. А у самого ноги ватные и в коленках предательская дрожь.

– Я пацанчики, – сказал Феликс деревянным, но как можно более развязным языком, – сам недавно от хозяина. Неделю как откинулся. В кармане только справка об освобождении.

Блатную лексику Феликс усвоил во время съемок пятисерийного детектива. Всегда снимали про любовь, а тут режиссера Ваню Ржаного потянуло на криминал. Ерунда, конечно, получилась, но это сейчас неважно.

– И за что же срок мотал, если не секрет? – спросил, передернув плечами, Скорцени?

– Да вот шел как-то ночью по улице, навстречу трое или четверо, уже не помню. Закурить попросили. А сам смотрю, у одного финка из кармана торчит.

– Ну и...?

– Что «и»? Двоих на месте положил, насмерть, один ушел, падла. Он и донес. Превышение самообороны. Вот и чалился от звонка до звонка в далекой Туве на скалистом берегу Енисея.

– Вот как, – зачесался, стоявший рядом со Скорцени «коллега». – Ну ты иди, иди своей дорогой.

– Ладно, пойду, – как бы нехотя согласился Феликс.

И пошел, и чувствовал, что спину ему сверлят тяжелыми, недобрыми взглядами.

Лихо я их отшил, а? – радовался помреж. Нет, все же кино не просто фабрика грез, оно реально учит жить и выходить из самых сложных ситуаций.

Метров через сто дорога свернула к железным гаражам. На ней показалась высокая, стройная женщина в элегантной меховой шубке. Несмотря на холод и колючий снег, на ней были туфли с высокими каблуками, один из которых постоянно подламывался. Дама хромала, как неуклюжая утка. Она вальяжно размахивала белой сумочкой на золотистой цепочке из крупных звеньев. Явно возвращалась из компании и была навеселе.

Как нехорошо будет, если эта фифа попадет в руки тех бандюганов, а они наверняка поджидают очередную жертву. Нет, долг любого порядочного человека – спасти ближнего.

– Гражданка, – окликнул женщину Феликс, когда она не глядя на него, профланировала мимо.

Только на третий раз она обернулась, сфокусировалась на Бабочкине. Свет единственного фонаря четко освещал ее круглое, почти детское, личико, с размазанной по подбородку помадой.

– Ну, что еще?

– Вы лучше этой темной drogой не ходите, мало ли что? Всякие личности тут встречаются.

– Чего?

Феликс подошел вплотную к девице.

– Ночь, говорю, глухая, не видно ни зги. А на вас вон шуб-

ка норковая, поди, тысячи три евро стоит, – подергал он её за рукав. – И сумка дорогая, не иначе, от Hermes. И в ушах, вон, серьги с бриллиантами. От бабушки?

– От дедушки... Не понимаю...

– Что же тут не понятного? По голове – и в яму, кругом пустыри, даже тела не найдут. Будете червей кормить в одиночестве.

– Ой.

– А если и не убьют, то надругаются. Ноги у вас длинные, мне, кстати, такие нравятся, любого соблазнят.

– Ой.

Девушка резко развернулась, в очередной раз подвернув правый каблук, поспешно заковыляла дальше по дорожке, подхватив полы шубы. В начавшейся пурге сначала раздавалось негромкое «помогите», потом уже на всю округу «помогите!»

Вот дура, сплюнул Феликс, людям помочь хочешь, а они орут без всякого повода. Поспешил на остановку.

Автобуса долго не было, промерз до костей. Наконец, из-за угла показались заветные желтые огоньки, но в ту же секунду его схватили за локоть. Обернулся. Рядом стояли двое полицейских, а с ними та самая девица с размазанной по подбородку помадой.

– Он? – строго спросил огромный мент с наручниками на ремне.

– Он, он, – закивала барышня. – Грозился шубу с меня

снять и сережки сорвать. А потом в яме закопать. Попался, голубчик.

– Что вы! – взмолился помреж Бабочкин, с тоской глядя на закрывающиеся двери последнего автобуса. – Я же только девушку предупредить хотел. Мол, опасно одной в столь поздний час ходить по улицам.

– А еще к моей сумочке примеривался.

– Документы.

Паспорта и служебного удостоверения у Бабочкина с собой не было, он никогда не брал их на встречи с друзьями. Выпивали обычно немало, не ровен час и потерять. А потому Феликса Бабочкина препроводили в местное отделение.

Протокол составлял сонный лейтенант, который был очень недоволен тем, что его оторвали от любимого занятия – спокойно дремать на ночном дежурстве под бубнёж телевизора.

Девица стрекотала без умолку, а Феликс только и повторял: «Я честный человек, помощник режиссера, хотел дамочку лишь предостеречь».

Сонный лейтенант вроде бы согласился, что криминала в его действиях не было, сказал, что все равно до установления личности, Феликсу придется провести в отделении. Но тут в на пороге показались те двое, что просили у Бабочкина телефон.

Скорцени вел себя в отделении по-свойски.

– Дай позвонить, Петрович, шефу. Как назло все мобиль-

ники накрылись, а на подземной стоянке вытяжка сломалась. Нужно до утра починить, иначе задохнемся.

И тут «человек со шрамом» увидел Феликса, всплеснул руками:

– Старый знакомый!

– Ты его знаешь? – скинул остатки дремы лейтенант.

– Да-к это ж урка с зоны, сам сказал, что недавно от хозяйина откинулся. Мы у него телефон попросили, чтобы с шефом связаться, а он тут и заявил – мол двух замочил, один убежал.

– Та-ак..., – поднялся полицейский из-за стола, уронив на пол газету с кроссвордом. – Значит, рецидивист. Очень хорошо.

– Я же говорила, говорила! – возликовала девица.

– Уже успел что-то натворить? – удивился Скорцени. – Во дает!

– Женщину собирался ограбить.

– Да не уголовник я!!! – закричал на все ОВД Бабочкин. – От страха на себя наговорил! Ну переборщил, с кем не бывает. Я требую адвоката.

– Будет тебе и адвокат, и уполномоченный по правам человека, – пообещал лейтенант Петрович.

Всю ночь Феликс провел в обезьяннике, а утром, воспользовавшись правом на один звонок, связался с режиссером Ржаным. Выручать помощника приехала вся бригада. Пообещали снять все ОВД в новом телевизионном детективе

и Бабочкина отпустили.

Феликс с кислой физиономией поблагодарил за службу лейтенанта, двоих задержавших его ментов, а сам подумал – хочешь людям доброе дело сделать, сто раз подумай. Добро может к тебе вернуться гораздо раньше, нежели ты предполагаешь.

Ну и, конечно, главное, никогда и ни в чём не перебарщивать.

Окурок

Э-э нет, господа, ни слова о политике. Речь, скорее, о нравственности. В том числе и моей. Признаюсь, как порядочный человек, в этой истории я оказался не на высоте. Но что поделаешь, иногда приходится поступаться моральными принципами, чтобы они восторжествовали. Впрочем, судите сами.

Возвращаюсь я как-то вечером домой в хорошем настроении, никого не трогаю. Стемнело, фонари зажглись. Иду, значит, между домами и вдруг под ногами у меня, словно петарда взрывается, только бесшумно. Столп искр в разные стороны.

Я аж подпрыгнул от неожиданности, даже мышцу на ноге свело и в сердце закололо.

Гляжу, а это обычный окурок. Поднимаю голову и замечаю, как на балконе третьего этажа лысый мужик в майке за дверью прячется.

Возмутило меня это невероятно – а если бы в глаз попал, скотина?!

– Что же это вы делаете, гражданин, – кричу я в праведном гневе, – страна от санкций погибает, а вы бычками в людей бросаетесь!

Более подходящей фразы я, конечно, тогда не нашел.

Прохожие смотрели на меня с опаской и подозрением, об-

ходили стороной. Правда, один дед подошел, тоже задрал голову:

– Что там, горит?

– Ага, Челябинский метеорит, – отвечаю в рифму и сплевываю.

Настроение, разумеется, испорчено. Вздохнул, пошел дальше. Но не успел я сделать и пары шагов, как под ногами опять всплеск. Тоже красный, но не огненный. Гляжу, а все мои светлые штаны в ошметках помидора, на пиджаке тоже бурые пятна. И к носу моему что-то прилипло. И опять на балконе синяя майка промелькнула.

– Да что же это делается, господа, до дома дойти спокойно не дают, какие-то кретины помидорками бросаются!

Собрался набрать полицию, потом передумал – свидетелей-то нет, по домам разошлись, ничего не докажешь. А этот лысый придурок скажет – знать ничего не знаю. Если бы он с ружьем по балкону бегал – другое дело. Не будут менты из-за помидорины дело заводить. Надо самому правосудие вершить.

Прикинул в каком подъезде живет метатель, обошел дом с торца. У детской площадки – две бабки в одинаковых желтых платках. Поздоровался.

– Не знаете, – спрашиваю, – лысого мужика с третьего этажа, его окна на дорогу выходят и балкон с зеленым козырьком?

Старушки брезгливо оглядели мою оплеванную одежду,

принюхались – не пьяный ли.

– А тебе зачем? Дружок его?

– Что вы, – говорю, – совсем наоборот. – Этот гад бросается с балкона чем ни попадя, развлекается, а мне теперь новые новые портки и пиджак покупать. В этих уже и в ночлежке не примут.

– Как он тебя уделал, – сочувственно и не без злорадства замотали головами бабули. – Это Лешка Огоньков из тридцать пятой квартиры.

– Кто такой?

– Проходимец. Чебуречную на проспекте держит. Так она и называется – «Огонек». Трезвый – человек, как человек, мышку не обидит. А сто граммов выпьет и будто черти его на сковородку с прованским маслом сажают. То музыку ночью на всю округу включит, то сам дурным голосом запоет. И ладно бы репертуар приличный подбирал, даже перед внуками стыдно.

– Это что, – сказала другая старуха. – бывает, напьется и давай у подъезда митинги устраивать, правительство наше нехорошими словами крыть. Того и гляди тебя вместе с ним под одну гребенку загребут. Страсть.

– А что же жена?

– Какая жена? Было три штуки, да все разбежались, разве с таким придурком уживешься! Проституток водит, а потом их голыми с лестницы спускает.

– В полицию сообщали?

– Каждый раз как правительство поносит, так и пишу. Только толку ноль. Всех полицейских, видно, подкупил. Не знаю – чебуреками он их кормит или деньгами, только не трогают. Говорят, его племянник в органах служит. Да. Нигде справедливости не сыщешь.

– Даже и не пытайся, – поддакнула подруга.

– Так где, говорите, чебуречная его находится?

В субботу сел я на троллейбус и доехал до «Огонька». От заведения, напоминающего большой дачный сарай, за версту несло горелым маслом и тяжелыми восточными приправами. У входа расположилась троица бомжеватого вида, жевала светло-серые чебуреки. Они разваливались у небритых мужиков в руках, падали осклизлыми кусками им на колени. Вокруг тучами летали мухи.

И куда СЭС смотрит? – удивился я. Но еще больше удивился, когда увидел, что в заведение довольно бойко заходят посетители, причем вполне приличные и даже с детьми.

Ну что ж, хорошо, это нам на руку.

Прикурил я сигарету, хотя уже пару месяцев как бросил, сделал пару затяжек, затушил о дерево. Сунул окурок в карман, зашел внутрь чебуречной. Здесь запахи были такие плотные, что трудно было дышать.

В окошке сидела щуплая женщина, шустро накладывала в тарелки чебуреки, пробивала на старинной кассе чеки. К ней вытянулась довольно приличная очередь. Да-а уж, кризис, уже за дрянью толпятся...

За ее острыми плечами двое поваров в заляпанных фартуках на железном столе раскатывали тесто. А еще один, чуть поодаль, размешивал ложкой в чане серый фарш. Это был он, мой обидчик! Не напрасно пришел.

Купил я пару чебуреков, стакан компота, встал за стойку у окна. Надкусил. Хм, а что, вид, конечно, отвратный, но на вкус вполне даже. Надкусил второй и незаметно засунул внутрь бычок. Через минуту расковырял вилкой, сунул под нос деду с моржовыми усами.

– Вот, глядите, чем нас здесь кормят!

Дед поправил очки, вытер рукавом вспотевший нос:

– С них, буржуев, станется, их всех надо на Магадан.

Сказал и спокойно продолжил жевать.

Тогда я обратился к женщине с двумя детьми. И не ошибся, она подняла скандал. Прибежал сам Окуроч с поварешкой.

– Что, где?

– И как вам не совестно, – говорю, – людей за скотов держать, бычками сигаретными кормить!

Лысый взгляделся в мое лицо, прищурился. Узнает?

Но ждать его реакции не стал, принялся снимать на смартфон «чебуречное безобразие». Тоже самое стала делать и дама с детьми.

– Выложим в сеть и кранты вашему заведению, – пообещал я Окурочку.

Он поморщился, будто объелся своих серых чебуреков,

кивнул головой в сторону разделочной.

– Пойдем, потолкуем.

Вообще-то беседа с глазу на глаз в мои планы не входила. Дело сделано, мамаша точно кляuzu в Роспотребнадзор накатает. Не весть как, но все же буду отомщен. Да, я поступил нечестно, но как говорил Жеглов – преступник должен сидеть в тюрьме, а каким образом я его туда упрячу не имеет значения. Окурку, конечно, тюрьма не грозит, но проучить следует.

Деваться было некуда, пошел за чебуречником. Он завел меня в тесную комнатенку, заваленную немывтыми кастрюлями, уставился резкими,пряного посола глазами.

– Что, деньгу по легкому срубить решил, фильмов голливудских посмотрелся? Так тут не Америка, тут лохов нет. Ладно, я сегодня добрый. Гони пятерку и разойдемся.

Такого поворота событий я не ожидал.

– Не понял, – выдавил я из себя единственную фразу.

– А чего понимать? Пять косарей за нанесенный моральный ущерб, это еще дешево. Или... ментов вызывать не буду, своими силами обойдемся.

В дверях появились два страшных азиата. В руках они держали огромные разделочные тесаки.

– Забыл, что на дворе 21 век? В зале видеокамера, которая наверняка засняла как ты, подставщик, в чебурек бычок засовывал.

Я похолодел. Действительно, теперь камеры даже в туале-

тах, как же я мог так проколоться!

Мозги мои задымились. Ситуация. Думай, думай... И вдруг осенило. Камера, говоришь? Ну-ну.

– Ты, Леша, правильно про технологический прогресс вспомнил, – говорю я как можно увереннее и зло. – Напротив твоего дома, с балкона которого ты вчера, скотина, помидорками и окурками бросался, тоже стоят видеокамеры. Так вот, они зафиксировали, как ты, Леша, попал спелым турецким овощем в проходящего мимо депутата Государственной думы. И нанес ему материальный ущерб в виде испорченных брюк. Знаешь сколько они стоят? Всего твоего хлева на одну штанину не хватит. Не говоря уж о моральной травме. Я его представитель. Шуму он поднимать не захотел, прислал меня уладить дело по-тихому. Гони сотню и разойдемся.

В селедочные глаза Окурка, казалось, добавили уксуса, они обесцветились еще больше. Лешу явно озадачило, что я назвал его по имени. Он опустил на стул.

– Врешь.

– Швырялся помидорками?

– Ну-у...

– Свидетели есть. Бабки из подъезда подтвердят, что ты по пьяни каждый раз чудеса творишь. Да еще публично вольнодумствуешь. Короче, деньги на бочку или поедешь на Крайний Север чебуреки жарить.

– Я не хотел, – вжал в плечи Огоньков красную от напряжения голову. От нее, кажется, можно было прикуривать. –

Но у меня сейчас нет на кассе столько.

– Ладно, – говорю, – гони сколько набрал. И бумагу напишешь, что больше с дурных глаз паскудствовать не будешь. Еще один прокол и... Кстати, что ты там про правительство обычно во дворе кричишь? Слова бы переписать.

Это окончательно добило Окурка. Он произнес – «А что они в самом деле...» и побежал к кассе. Вернулся с пачкой купюр.

– Тридцать семь, – сказал он.

Но я, как человек порядочный, конечно, не собирался брать лишнего. Сколько я отдал за испорченные брюки и пиджак? Вот шесть с половиной и возьму. Ну и за моральный ущерб тысячу. Будет с него, ведь про правительство-то он правильно кричит, от Окурка экономике гораздо больше пользы.

Забрал я тетрадный лист, исписанный неровным почерком Леши, где он клялся и божился, что больше нарушать общественный порядок не станет и с чистой совестью удалится восвояси.

На углу заведения я щелкнул пальцами – а что, еще можешь! Главное, всегда вовремя включать мозги. И сатисфакцию получил, и обществу пользу принес.

Прикурил сигарету, но тут же придавил каблуком. На асфальте остался всмятку раздавленный окурочек.

Живительный ручей

Не знаю как вам, господа, а мне хлеба не надо – дай только понаступать на старые грабли и поклевать то, что зарекался не клевать. Не успел я отойти от истории с псевдопопрошайкой, когда по собственной глупости чуть не оказался на нарах, так снова вляпался в такую историю, что если кому рассказать, покрутят пальцем у виска. Но мое дело записать что было, а там уж как бог даст.

Кстати, о боге. Я, конечно, пропащий атеист, но к религии отношусь с уважением и опаской. Мало ли что там в самом деле наверху и кто поджидает с кожаными канчуками? А потому нет-нет, да и захоживаю в церковь, может, чего-нибудь и спустят, что с дурака взять. Вы не такие? Мои искренние поздравления.

Так вот. Гулял я однажды у пруда, что рядом с храмом, предполагая потом зайти и поставить свечку. У главных врат – двое нищих. На калек и юродивых не похожи, помятые разве что, да физиономии наглые. Держат в обветренных, цепких руках пластмассовые стаканчики, провожают прохожих оценивающими взглядами. Хихикают, переговариваются. Как только кто подходит, сразу скорбь и плаксивость на лицах.

Встал я сбоку и принялся наблюдать. Хоть и немало в церковном календаре всяких праздников, но, видимо, в тот день

ничего особенного не отмечалось, народу было немного. И все же их стаканчики пополнялись серебром исправно. Как только набиралась приличная кучка, мелочь ссыпалась в карманы. У одного нищего была даже вполне нормальная черная сумка, из которой он регулярно доставал бутылку пива и блаженно к ней прикладывался.

А неплохо вы тут живете, ребята, подумал я. К вечеру мой недельный заработок наверняка имеете. Да это ладно, не каждый решится стоять с протянутой рукой. Но вот интересно, а кому вы выручку сдаете – окрестным бандюганам или, страшно подумать, попам? Ну не им лично, разумеется, а церковным служкам.

И так меня, порядочного человека, этот вопрос заинтересовал, на фоне всяких разоблачительных материалов о мздоимстве служителей культа, что я твердо решил выяснить истину.

Купил я бутылку водки и почти без закуски выпил, чтобы на утро оказаться в страшном похмелье. Так оно и вышло. Колотило меня и ломало, как в лихорадке. Причесываться не стал, умываться тоже. Правда, зубы почистил, иначе точно бы стошнило. Вынул из шкафа старый мятый пиджак, который собирался отправить на дачу еще два года назад, слаксы с кофейными пятнами и бахромой на правой штанине, оторвал на рубашке две верхние пуговицы. Посмотрелся в зеркало. Соседи встретят, перекрестятся.

А потому спускался я по черной лестнице и выходил

со двора с восходом солнца через заднюю калитку. У трансформаторной будки окунул стоптанные ботинки в лужу, вымазал грязью пиджак. Проверил в карманах ли деньги. Не забыл, на месте. А лежало в них шесть тысяч, разменянных накануне на сторублевки.

Возле церковных ворот уже паслись те двое. Еще один деятель, с коробкой на груди ходил вдоль боковой ограды, у церковной лавки. На коробке нарисован крест и что-то написано, видимо, «пожертвуйте на восстановление храма!»

Приблизился я к воротам, спросил:

– А что, граждане нищие, хорошо сегодня бог подает?

– Кому подает, кому и в глаз дает, – ответил невежливо попрошайка, что имел нос похожий на неженский огурец – такой же длинный, зеленый и в пупырышках. У другого нос был тоже какой-то овощной, но походил больше на азербайджанскую помидорину. – Тебе чего тут надо?

– Да вот, – говорю, – жизнь совсем разладилась. С работы выгнали, жена ушла, дети от наркоты лечатся. Даже на черные работы не берут по причине хронического алкоголизма и слабоумия.

– Ну и шел бы ты в дурку, она тут рядом, – кивнул нищий с черной сумкой на обшарпанную крышу, торчавшую над макушками тополей. – Тут места забронированные, а без билета – с утками в пруду купаются. Понял?

– Как не понять, – отвечаю, – готов приобрести проездной хоть на месяц.

– На богача не похож.

– Какое там! – махнул я рукой. – Вчера последнее кольцо пропил, супружеское. Буду отдавать с дневной выручки хоть 90%. Не позволяйте, братья, пропасть порядочному человеку.

– А с чего взял, образина, что тебе подавать станут? Здесь тоже профессионализм нужен. Мы с Беней на этом поприще какой год тренируемся.

Тот, что был Беней, кивнул, достал бутылку пива, смачно отхлебнул, не предложив приятелю. Почесал красный нос.

– Матвей правильно говорит, – сказал он, – нищенство – серьезная наука, не каждому дано.

– Может, у меня с детства талант к нищенству?

Классиков Матвей и Бенья, вероятно, не читали, а потому никак не отреагировали на широко известную фразу.

– Ладно, – подумав сказал Матвей, – кидай кости рядом. Посмотрим какой ты работник. Но если к вечеру пару сотен не наберешь, пожалеешь.

– Ха, – отвечаю, – несколько сотен. Мне будут нести, как ацтекскому богу Кукулькану. От зависти лопнете.

Бенья и Матвей раскрыли рты, а я спокойно уселся у левой колонны врат. Правда перед этим, для полноты картины, выхлебал из пруда несколько литров мутной воды. Меня и в самом деле мучила жажда. Конечно, был шанс подхватить какую-нибудь дрянь, но чего не сделаешь ради чистоты эксперимента.

Водопой произвел впечатление не только на моих новых

коллег, но и на прохожих. Господи, только бы знакомые сюда не забрели.

А насчет щедрых подаяний я говорил не просто так. Прежде, чем пойти на паперть, я проделал некоторую работу.

Заглянул в соседний двор, а там, как по заказу, шестеро мужиков четвертинку мучают. Каждый человек отдаленно похож на какое-то животное, эти же представляли собой настоящий зоопарк. Особенно выделялись трое – коренастый дядька – ёжик, только прыщавый, длинный, как жираф старик с инвалидной палкой и тяжелый, с огромными зубами бегемотообразный парень. Остальные так себе – помесь енотов с бродячими собаками.

Подошел я и говорю:

– Здравствуйте, счастливые люди!

А что, только счастливые могут позволить себе по утрам водку пить.

Ёжик покрутил носом, протер платочком пустой стакан:

– Счастливые те, у кого чешется, да почесать могут. А что за счастье, когда на 250 граммов столько рыл? Сеструха Репья в поликлинике трудится, обещала спирта принести да где-то застряла, кляча. Сама, наверное, выпила.

– Вот! – поднял я указательный палец. – Для того я к вам и зарулил, чтобы устранить это противоречие.

Еноты презрительно покосились на мое одеяние, фыркнули, бегемот нервно откинул землю правой ногой.

Решил сразу перейти к делу. Достал купюры и потряс ими, словно акциями на бирже.

– Здесь шесть тысяч, сделаете в точности как скажу, получите половину. До следующего утра счастьем будете обеспечены.

Один из псовых затушил каблуком бычок, хмуро пошел на меня.

Я достал из кармана травматический пистолет, копию ПМ, щелкнул предохранителем.

– Человек я хоть и порядочный, но очень раздражительный, – вынул и снова вставил я в пистолет обойму, – отстрелю кран, нечем будет сивушные масла сливать.

Мужик остановился, почесал затылок. Ежик поставил на скамейку стакан, грозно взглянул на енота:

– Не суетись, Репей, видишь человек по делу. Говори чего надо.

– Так-то оно лучше, – спрятал я оружие. – Я из газеты. Главный редактор поручил сделать разоблачительный материал о церковных нищих – откуда берутся, кто их крышует. Словом, вскрыть эту прихрамовую мафию. Не сделаешь, говорит, уволю, это твой последний шанс. Он на меня давно зуб точит, собака.

– Газетчик, а по виду обсосок. Хм. Кому платят? Попам, не иначе.

– Дай человеку договорить! – замахнулся палкой на бегемота верблюдов. Тот сразу поджал маленькие, оттопыренные

ушки.

– Лучший способ это выяснить, внедриться в их среду, – благодарно кивнул я старику, – потому и оделся соответствующе. Ваша задача, где-нибудь через час, подойти к церкви у пруда. Там среди попрошаек буду сидеть я. Вторую половину денег, то есть три тысячи, подадите мне в качестве милостыни. Не все сразу, разумеется, частями. Будете приносить с интервалом в тридцать-сорок минут, каждый по очереди. Главное, никому больше не давайте ни копейки, только мне, это основное условие.

– И все? – пригладил колючки на голове ежик.

– Не напейтесь раньше времени, – изобразил я умоляющую физиономию, но при этом стволом травмата потер за ухом, – иначе провалите дело государственной важности. Надо же расчищать в стране авгиевы конюшни, а кто, если не мы?

Повисла тишина, первым подал голос Репей:

– А ты, часом, не мент, корреспондентское удостоверение есть?

– Кто же на боевое задание с документами ходит? – хмыкнул я. – Только с оружием.

Все с опаской поглядели на мой ствол, который я тут же спрятал.

Ко мне подскакал на палке верблюд, пожевал огромными губами, будто собирался плюнуть:

– Развели дерьмократы бардак в стране, Сталина на них

нет. Всю мафию надо на Соловки отправить и министра финансов туда же.

Почему именно министра финансов, я уточнять не стал.

– Так согласны или нет?

– Согласны!!! – хором ответил зоопарк.

– Мы порядочные люди, – заверил меня ёжик, – не сомневайся.

Итак, я сидел у церковных врат в компании Матвея и Бени, томимый похмельем и тягостным ожиданием – придут-не придут дворовые алкаши, не исключено напились уже вусмерть и пузыри пускают под кустами.

Лучше всего подавали Бене. Каждый раз, после того как в его пластмассовый стаканчик падала мелочь, он доставал пиво и булькал. Его кадык ходил жадно и быстро, как автоматный затвор. Матвея тоже прихожане не обижали. В моем же стакане имелась всего пара медяков. Бенья подпихивал меня коленкой и говорил:

– Ни на что ты не годный, Кукулькан. Правильно жена ушла.

– Почему? На корм собакам сойдет, – зло хихикал Матвей.

Пару раз, бочком, к нам приближался гладкий, откормленный мужик с крестом на коробке. Но глаза его были голодные. Тот самый, которого я видел накануне.

– Как новенький? – спрашивал он, не поворачивая головы.

– Пустое место, – отвечали Матвей и Беня.

– Ему же хуже, – говорил тот и вальяжно уходил за церковную лавку.

– Ваш шеф? – поинтересовался я.

– Многие знания – многие печали. Экклезиаст, – неожиданно проявил эрудицию Беня.

Прошел час, полтора, но на горизонте моих алкоголиков не наблюдалось. Я уже подумывал о побеге, не ждать же в конце концов, когда мафия намнет бока или вовсе утопит в пруду. Выяснить же что-либо без реализации задуманного плана было невозможно.

И только около полудня, на дорожке парка, ведущей к пруду, я увидел ежика. Перед уходом выяснил, он – Ярослав или просто Ярик. Старика на палке зовут Еремеем Петровичем, бегемота – Стасиком.

Ярик остановился у воды, изумленным взглядом обвел окрестности, будто видел их впервые. Ежик был отчаянно пьян и еле держался на ногах. Вначале он проковылял мимо меня и не заметил. Уже у паперти резко развернулся, устремился назад. Встал рядом, попытался сфокусироваться. Заулыбался и вдруг повалился на колени. Опустил мне грязные руки на плечи.

– Целитель наш, чтобы мы без тебя делали! Не обижают, нет? – Смотрите у меня, – погрозил он Бене волосатым кулачком. – Чтоб ни один волосок! Это не человек, святой, его икону надо в церкви повесить. Если бы не ты, – поцеловал

Ярик меня в щеку, – скончался бы. Остальные тоже.

На его мутные глаза навернулись слезы:

– И жена, и дети будут за тебя бога молить. Денно и ночью, денно и ночью...

Конечно, подумал я, если б не мои деньги, еще чего-нибудь из квартиры вынес. Как бы перебора не вышло.

Ярик достал из кармана комок бумажных и железных денег, засунул мне в стакан. Сколько там, определить было сложно, но уж никак не меньше тысячи. Монеты, не попавшие в стакан покатались по асфальту, но застывший от удивления Матвей и не думал их ловить.

– Ну, все, – похлопал я Ярика по лбу, – иди домой, тебя счастливые жена и дети ждут.

Думал, сам он не поднимется, но ежик обколовший всего меня своими иголками, проворно вскочил и бегом направился к парку.

Еще ничего не успели сказать обалдевшие Беня с Матвеем, как на дороге показался верблюд. Еремей Петрович так шустро перебирал палкой, будто она была у него электрическая. Его негнущаяся правая нога скакала, словно взбесившаяся секундная стрелка по циферблату.

Старик на колени передо мной не упал. Молитвенно сложил руки, зашевелил мясистыми губами.

Кажется, молится. Не положено сталинисту. Хотя сейчас все перевернулось: большевики храмы строят, воцерквленные культуру разрушают.

Прожевавшись, Еремей Петрович раздул широкие ноздри, похлопал длинными рыжими ресницами.

– Нечаянная радость – лучше предвкушения радости, – выдал он заумную фразу. – Как мне было с утра плохо, думал конец. Но вы, чародей и кудесник, вернули меня к жизни. Смотрите, люди, на великое преобразование и удивляйтесь! – обратился он театрально к столпившимся возле ворот бабкам.

После этих слов Еремей Петрович, от которого разило перцовкой, продемонстрировал всем свою палку, с помощью которой так ловко передвигался и внезапно переломил ее об колено. Швырнул обломки в пруд, распугав уток.

Бабки ахнули, Бенья начал неудержимо икать, а верблюд издал утробный звук, поцеловал меня в лоб, осыпал деньгами и скрылся в ближайших кустах, куда частенько отлучался Матвей.

«Чудо», – зашепелявила одна из старух. «Я сама видала, что дедок-то на двух палках прихромал». «А приложившись к этому страдальцу, – указала на меня другая бабуля, – на своих двоих убёг».

Ко мне стала приближаться толпа старушек, глаза их горели вопрошающе и грозно. Сразу вспомнился советский фильм «Праздник святого Йоргена» с Ильинским.

План дал сбой, пара было уматывать, пока с меня чуда не потребовали. Впрочем, в голове тут же созрел другой план. Очень даже неплохо, что так вышло, надо этим вос-

пользоваться.

Собрал я разбросанные вокруг деньги, спрятал в карман, где находился пистолет.

Но тут появился бегемот Стасик, который чуть все не испортил.

Он сходу врезался в толпу бабок:

– Кто тут газетчика обижает? А?! А ну, пошли отсюда!

Старух как ветром сдуло.

– А вам особое приглашение, калеки? – схватил он за грудки Матвея. – Я тебя бить не буду, я тебе просто голову откушу.

– Не надо, – попытался остановить я Стасика. – Это мои коллеги.

– Тоже из прессы? – выкатил он бешеные глаза. – Сколько же вас, журналюг, развелось!

– Уматывай, – прошипел я. – Иначе исцелять больше не буду.

– Мое вам почтение, – поклонился бегемот, отпустив Матвея, у которого от испуга еще больше позеленел нос.

Стасик отер руки о штаны и, не дав мне денег, помчался, не оглядываясь, черт знает куда.

Все это время из-за угла церковной лавки внимательно наблюдал за происходящим мужик с коробкой.

– Что это было? – придя в себя, спросил Беня. – Кого ты исцелил и почему этот толстый кабан тебя газетчиком называл?

Вообще-то, я хотел перенести второе действие спектакля на завтра, но раз так вышло, никуда не денешься. Утром будет следующий акт.

– Когда-то работал в районной газетке, прозвище осталось. Да, я обладаю некими аномальными способностями и помогаю людям.

– Чего же тогда на паперть приперся? – отдышался наконец Матвей.

– Помогаю безвозмездно! – поднял я вверх указательный палец. – Но, как видите, люди все равно благодарят. Сюда же меня душа привела. Не знаю почему. Я не то чтобы целитель, я диагност. Ясновидящий ограниченного действия.

Сказал глупость и сам от нее поморщился.

– Кто?

– Главное, не лечить, а установить правильный диагноз. Люди умирают потому, что их не от того лечат.

– Это правда, – согласился Матвей. – И как же ты диагностируешь, насквозь что ли человека просматриваешь, как рентген?

– Ага, – врал я напропалую, все равно уж останавливаться было поздно. – Смотрю и говорю у кого какие болезни, не ошиблись ли врачи с диагнозом. Вот, например, старик с палкой прибежал. Ему объявили опухоль большой берцовой кости, а я посмотрел и вижу- растяжение связок. Пере проверили, точно!

– Да? – сощурил глаза Бенья. – Может, тогда и нас продиа-

гностируешь?

Ну что ж, друзья, подумал я. С вами дело несложное. Мы, приблизительно, одного возраста, значит, и болезни схожи. С поправкой на ветер, конечно.

Вспомнил свои диагнозы от гастроэнтеролога и уролога, биохимию крови. Беня постоянно пьет пиво и икает, скорее всего, эрозивный антральный гастрит, дуоденит, хронический панкреатит и пиелонефрит. Матвей часто бегаёт в кусты, не иначе простатит.

Все это я и сообщил «коллегам», а Матвею добавил:

– В моче – повышенное количество лейкоцитов, в крови билирубина, панкреатической амилазы. У вас, Беня: гепатомегалия, диффузные изменения печени и поджелудочной железы.

– Точно! Вот это да! – выпучил глаза Матвей. – Кровь я давно не сдавал, но простата замучила. Как лечить-то?

– Подожди ты, – отпихнул его Беня. – Ге-пато-мегалия... это страшно?

– Если не бросишь пить, помрешь, – ответил я спокойно и без спросу пошарил в его сумке. Достал бутылку пива, жадно припал к горлышку. Беня меня не одернул.

Немного полегчало.

– Ну, ладно, мне пора, – встал я наконец на ноги.

– А выручкой делиться? – проикавшись, спросил Беня. – Макар будет недоволен.

– Этот что ли? – кивнул я на мужика с коробкой. – Он кто?

Теперь уже Матвей скрывать не стал:

– Районный смотрящий, со всех церковных побирušек мзду собирает. Бывший мент. У метро живет. Фамилия смешная – Куребай. Зверь лютый. Беню в прошлом месяце так отметелил, неделю пластом лежал.

Беня тяжело вздохнул.

– Чего тогда сам с коробкой ходит?

– Говорит, без дела сидеть не может, томительно в офисе в окно ворон считать.

– Во как! У него и офис есть.

Ага. Замечательно, нужно непременно подружиться с Макарком, вы-то больше того что сказали, вряд ли знаете.

В этот момент к воротам подошел сам Макар Макарович.

– И что здесь происходит? – грозно спросил он. – Сколько набрали?

– Все что ни есть – наши, – развязно ответил я.

– Что?! – вспыхнул Куребай и его лоснящаяся внешность сразу облезла, потускнела. Точно мент. – Да я тебя, комар болотный, без перчаток прихлопну.

– Смотри, от комара малярию можно подхватить, – сплюнул я.

Макар сжал кулаки, примерился, чтобы ударить. Но его остановил Матвей:

– Не надо, он диагност. Ему столько денег сегодня принесли, что нам и за неделю не собрать. Старухи видели как он чудо сотворил, если бы не один пьяный кабан, и с них бы

месячную выручку содрал. Полезный фраерок.

– Диагност? – умерил пыл Макар.

– Про все наши болезни рассказал, как на медосмотре.

Так, все, в любом деле, главное не переборщить. На сегодня точно хватит.

Я допил Бенино пиво, зашвырнул бутылку в пруд и, не прощавшись, направился в парк.

С Макаром диагностика наобум не пройдет. А завтра она точно понадобится. Живет рядом. Отставной мент. Значит, наверняка прикреплен к районной поликлинике. Куребай. Стоп! Кто-то из алкашей говорил, что у него сеструха в поликлинике трудится!

Что ж, опять прямая дорога в зоопарк.

Во дворе все те же лица. Как ни странно, на ногах. Увидев меня, бросились обниматься, даже подозрительный Репей. Ну да, его сестра спирт обещала.

– Ты правда целитель? – спросил он, глядя на меня преданными собачьим глазами.

Началась цепная реакция, ухмыльнулся я про себя.

– Сомневаешься?

– Нет! Выпей с нами.

– С удовольствием. У меня к тебе еще одно дело.

Я выложил на скамейку свое подаяние.

– У тебя родственница, кажется, в поликлинике. На полчаса нужна медицинская карта некого Куребая Макара Макаровича.

Репей хрустнул суставами пальцев:

– Полы моет. Куребай, говоришь?

Он исчез на полчаса, когда вернулся, отвел в сторону.

– Тебе повезло, в поликлинике ремонт, то есть бардак..

Утром в начале седьмого к заднему выходу подгребай, Зинка, если карту найдет, вынесет. Ух, хитер ты, парень, задумку твою приблизительно понял. В компаньоны возьмешь?

– Посмотрим.

Зинка, как я и предполагал, оказалась довольно пропитой особой. Выползла с ведром и шваброй только около восьми. Медкарта была в ведре, под тряпкой.

Из нее я узнал немало полезного про Куребая. Он сердечник, гипертоник, лечится от геморроя и, главное, у него аспления – врожденное отсутствие селезенки.

Надо же, а выглядит вполне прилично. Теперь понятно, почему он предпочитает прогулки на свежем воздухе.

Выдав Зинке пятьсот рублей, я поспешил к храму. Троица кучковалась на углу у церковной лавки, выстроенной в виде часовни. Макар сразу взял меня в оборот:

– Давай, диагност, определяй мои физические проблемы.

И тут, как черт из табакерки, выскочил Репей, поводит собачьим носом, подмигнул смотрящему:

– Запросто, только деньги вперед.

– Ты кто? – отпрянул Макар и чуть не уронил коробку. –

Какие деньги?

– Я импресарио прорицателя. Задаром только верблюды

по пустыне ходят. Штука за каждый исследуемый орган.

Что ж, прикинул я, дело, видимо, предстоит серьезное, денежное, без помощника не обойтись. А потому сказал:

– В качестве аванса готов сообщить вам некоторые подробности о вашем организме. Бесплатно. Убедитесь в моих способностях, продолжим диалог. Вон хотя на той лавочке у пруда.

Наклонился к правому уху Макара, прошептал одно слово: «аспления».

Пока я шел к скамейке, смотрящий бежал рядом, как собачка. Пытались увязаться и Матвей с Беней, но Куребай их прогнал: знайте свое место!

Репей предупредительно протер рукавом лавочку, предложил мне сигарету. Курить я бросил еще полгода назад, но нужно было соответствовать новому образу. Нестандартные личности всегда подвержены вредным привычкам.

Медлить не стал. Выпустил вонючее голубое колечко (и что за дрянь курит Репей?), взглянул в испуганные глаза Макара Макаровича. Больше всего люди боятся неожиданного.

– Денег мне не требуется. Условие такое: вы называете главарей вашей мафии, я продолжаю диагностику.

– Как не надо?! – возмутился, было, импресарио, но умолк, видимо, опять о чем-то догадавшись.

Куребай сощурил глаза:

– А вы не карасик, вы зубастый окунь. Не боитесь пода-

виться, Кукулькан?

– Боюсь, – честно признался я.

– Зачем тогда вам?

– Вы мелкая сошка, что с вас проку? Сами, поди, с хлеба на квас перебиваетесь. Другое дело ваши шефы. Продиагностирую их по полной программе. Домик в Ницце, знаете ли, давно мечтаю приобрести.

– А говорили денег не берете.

– Так это с честных людей, с жуликов – с превеликим удовольствием.

Макар задумался, покраснел, будто переваренный рак.

– У меня что-то серьезное? Хм. Ладно, так и быть. Район крышуют начальник местной полиции Васнецов и заместитель главы Управы Коновалов.

– Ну вот и молодец! – воскликнул Репей.

Я же сообщил Куребаю, что у него двухмиллиметровый кальцинат в правой почке, а на левой – сантиметровая киста. В желчном пузыре диффузные изменения и перегиб шейки. Ничего серьезного пока нет.

– Точно! – поразился в очередной раз Макар. – Я слышал о провидцах, но думал, что обманщики, шарлатаны. Невероятно.

– То есть, церковники к вашей мафии отношения не имеют?

– У них свое государство, закрытое, туда не суйся, нос откусят. Часть выручки «на восстановление храма» отдаем

приходу, поэтому богомольцы без претензий. Святого источника на всех хватает. Мне пора. Приходи завтра, скажу главное – кто сидит на самом верху нашей пирамиды. Кукулькан, хм, занятно.

– Почему не сегодня?

– Хорошего понемногу, хоть ты и зубастый, но и хищнику проглатывать пищу нужно постепенно. О тебе забочусь, провидец.

Не успел Макар уйти, как словно из-под земли выросли бабки. Наверное, Беня и Матвей указали. Старухи окружили скамейку плотным кольцом, начали гомонить:

«Помоги, божий человек, осмотри нутро, врачам веры нет, обманывают, деньги вымогают».

Репей взял ситуацию в свои руки:

– На сегодня прием окончен. Провидцу надо срочно в скит. Завтра приходите.

«Уж не обидим, батюшка, только взгляни».

– Пошли, пошли! – замахнулся на них Репей.

Вернувшись в съемную квартиру, я первым делом залез в Интернет. Да, есть такие: начальник полиции Васнецов и замруководителя Управы Коновалов. Не обманул Макар. Руки так и зачесались. Открыл сайт ФСБ, страницу сообщений по электронной почте. Начал писать: «Как порядочный человек и активный гражданин имею сообщить следующее: из надежных источников мне стало известно, что начальник Отдела МВД по району... полковник Васнецов...»

Странно все же, что Куребай с такой легкостью слил своих шефов. Конечно, он испугался, но... Завтра обещал назвать главного мафиози. Чтобы рассеять стаю, нужно стрелять по вожаку. Подождем.

Утром облачился в приличную одежду, начистил ботинки, повязал галстук, облился французским одеколоном.

У дома меня уже поджидал Репей. Глаза его горели:

– Будешь диагностировать старух только из нашего района, у кого карточки в поликлинике имеются. Зинка не подведет. Клондайк, золотая жила!

– Я на бабушках наживаться не намерен.

– Так это только поначалу бабки пойдут, потом и остальной народец подтянется. Я уже все обмозговал: вырою тебе яму за кольцевой дорогой, у дуба, будешь там до осени обретаться, как отшельник, божий человек, провидец. За пару месяцев по мерседесу заработаем, точно говорю.

– Не рой яму другому. Я не для того игру затевал.

– Надумал верховных жрецов за вымя прихватить, Кукулькан? Понимаю, но не одобряю. Раздавят, как слоны моську. Ну их к черту, свой бизнес откроем. Или все еще статейку хочешь написать? Наивный, тебя покалечат, а газетку спалят. На место этих хмырей, придут другие. Это же неиссякаемый святой источник. Свято место пусто не бывает.

А что? – проснулся внутри бес, Репей ведь дело говорит. Деньги сами в руки просятся. Но порядочный человек щелкнул его по носу: зарабатывать на обмане – подло и грешно,

такие деньги на пользу не пойдут.

Возле храма уже топтался Макар Макарович. Увидев меня, он очень обрадовался, даже пожал руку. Матвей и Беня, как всегда маялись возле ворот, только взгляды их были уж чересчур насмешливы.

– Пойдемте, – кивнул Куребай в сторону пруда, – тут недалеко, там никто не помешает.

Повел через камыши, в глухую рощицу. Когда я проходил внутрь тополино-березового загона, меня сильно толкнули в спину. Споткнулся о корни, упал лицом в сырую землю. Подняв голову, увидел перед собой мужиков в оранжевых рабочих комбинезонах и касках, с битами в руках. Среди них наглыми, ехидными физиономиями сияли Беня и Матвей. Куребай стоял в центре, скрестив руки на груди. Оглянувшись – сзади еще трое, отступать некуда, ловушка. Репей тоже лежал на земле.

– Ну что, Кукулькан, чревовещатель, поговорим? – закурил папиросу Макар. – Ты совершил роковую ошибку. Селезенки нет у моего брата Ивана, это ты его карточку в поликлинике подсмотрел. Ха. Меня, старого мента не проведешь. А откуда тебе еще это было узнать? То-то. С мафией решил побороться. Дурачок, это система, а ее мышинными зубками не подгрызешь. Кстати, ты на Васнецова и Коновалова уже донос написал? Вы же, журналюги, все одинаковые – сначала доносы в органы строчите, потом статейки тискаете. Чтобы свои задницы прикрыть. Знаю я вас.

– Написал, – соврал я.

– Молодец. Вот за это хвалю. Путаются они у меня под ногами, надоели. Ну, а с тобой, что ж, разговор будет короткий и жесткий. Сердце вырезать, конечно, не буду, я не злой ацтекский Кукулькан, но проучу серьезно, на всю жизнь запомнишь. Калекой сделаю, руки и ноги переломаю, может, и дурачком слегка станешь. Да, друг мой, жестокий мир – жестокие нравы, борьба за место под солнцем, за святой источник. Готов? Ну, ладно, времени мало.

Вперед вышли Бенья и Матвей. Бенья держал в руке бутылку пива. Я ощущал и отчаяние, и злобу. Вынул из кармана пистолет, передернул затвор. Бенья и Матвей остановились.

– Во как! – изумился Куребай. – Травматический?

– Чтобы сделать дырку в твоём деревянном лбу и гвоздя хватит, – скривился я. – С игрушками не ходим.

Если достал оружие- стреляй, вспомнил я золотое правило. Направил ствол в сторону Бени, особо не целясь, выстрелил в бутылку. Только бы разбилась, не подведи, травмат.

Зарегистрированное по всем правилам оружие самообороны не подвело. Выстрел прогремел, словно из пушки, бутылка в руке Бени разлетелась на сотни осколков. Все отпрянули, замерли.

– А ты действительно зубастый окунь, а не карасик, – глядел исподлобья Макар.

– Сомневался, Мегрэ?

– Признаться, да. Только и мы не робкого десятка.

Я отступил в сторону, чтобы видеть всю бандитскую свору. Но отчетливо понимал – шансов выбраться живым и здоровым нет. Репей же, поднявшийся наконец с земли, был совершенно спокоен.

Макар взмахнул рукой и из кустов выползло еще несколько квадратных мужиков, у одного из них было короткое помповое ружье.

Да, это конец. Очередная моя авантюра закончилась крахом. Что ж, проигрывать тоже надо уметь. С гордо поднятой головой.

Однако умирать не хотелось ни каким образом. Может, попытаться убежать? Нет. Все равно найдут и позор на всю жизнь. В обойме осталось семь патронов, буду отстреливаться до последнего. Ха, резинками много не настреляешь, а у того дяди в помпухе, наверняка жиган заряжен.

Я уже собирался вскинуть пистолет и пустить каучуковую пулю в ухмыляющуюся физиономию Макара, но тут кусты сзади зашуршали и в загон ворвались... еноты, приятели моего «импресарио», а с ними еще человек десять таких же псовых существ. Они были с цепями, палками, огромными охотничьими ножами.

От неожиданности Макар сделал шаг назад, наступил на ногу мужику с ружьем, тот отпрянул, раздался выстрел. Нет, это была картечь, сверху осенним листопадом осыпались березы и тополя.

И началась битва, какой позавидовал бы Дмитрий Дон-

ской. Сколько она продолжалась, не помню. От перенапряжения ноги мои сделались ватными. Я сел, прислонившись к дереву, и тупо наблюдал за баталией.

Враг был повержен. Кто смог, убежал (Беня и Матвей первыми), остальные стонали в скрюченных позах. Куребай лежал на спине, по-тараканьи поджав руки и ноги. Над ним с камнем в руке навис Репей.

– Убью, гада.

– Не надо, – умолял Макар.

– Чтобы запаха твоего и твоей банды в нашем районе никогда больше не было, уразумел?

– Ура-разумел.

– Убирайся!

Идти окровавленный Куребай не мог, пополз в кусты.

Я наконец вернулся в реальность.

– Подожди, – остановил я отставного мента. – Так кто главный крышеватель прицерковной мафии?

Макар сплюнул вязкую коричневую слюну, через силу ухмыльнулся, поднял трясущийся большой палец вверх:

– Там он, там... понятно? Без ракеты не достать.

– Понятно, – вздохнул я.

Репей похлопал меня по плечу:

– Испугался? Все позади. Я ведь тоже бывший мент, опасность за версту чую.

Да уж, выяснил истину, ничего не скажешь.

Буквально на следующий день я съехал со съемной квар-

тиры, перебрался на противоположный конец города. Вся эта история стояла комом в горле и не давала нормально дышать. Хотелось скорее всё забыть, но перед глазами так и стояли то Макар, то Репей, то Беня с Матвеем. Но меня всегда тянет туда, куда не надо. Через неделю я завел машину и поехал к тому самому храму. Остановился за прудом.

У ворот копошились трое нищих, похожих на еотов, а на углу, возле церковной лавки, с коробкой на шее вальяжно расхаживал... Репей.

Некоторое время спустя на сайтах поменялись фамилии начальника полиции и заместителя главы Управы. Не иначе Репей донос написал, чтобы не путались под ногами.

Да, господа, свято место пусто не бывает. Пока есть источник, найдутся и жаждущие. А пить постоянно охота. Мы и есть главные столпы мафии.

Написал и подумал: а что, может, согласиться на предложение этого еотовидного репейника, вырыть себе нору за Кольцом да принимать глупых старух... Но, конечно, тут же показал себе кулак.

Ох, господа, трудно быть сегодня порядочным человеком.

Пятачок

Дима Пятаков был редкостным идиотом. Не раз за его художества ему собирались начистить пятак. Но каждый раз руки у разгневанных граждан опускались. При всей своей паскудности, он имел лик святого праведника из Оптиной пустыни. В глазах его было столько печали и смирения, будто он ежесекундно страдал за грехи всего мира. Но, как говорится, суди по делам их. Тихий и неприметный Дима иногда выкидывал такие фортели, что у людей волосы вставали дыбом. То вызовет санинспекцию в фирму для выведения якобы расплодившихся тараканов, то угостит сотрудников тортиком с лошадиной дозой слабительного. Или, например, позвонит жене коллеги и скажет, что её благоверной загулял с блондинкой из соседнего отдела. При этом он всегда потом сознавался, что это его рук дело. Объяснял же свои поступки искренним беспокойством за экологическую обстановку, здоровье коллег и желанием сохранить их семьи.

Но вот однажды он превзошел самого себя и отчебучил такое, что до сих пор его никто не может забыть. В том числе и я.

В конце осени Пятаков взял больничный и разослал через Интернет своим знакомым и коллегам, в том числе начальнику Петру Захаровичу Редькину, приглашение на банкет по случаю своего юбилея. Да не где-нибудь, а в шикарном,

новомодном ресторане на Патриарших. «Приходите с родственниками и друзьями, детьми и супругами, и обязательно в хорошем настроении... Фейерверк будет грандиозным!»

Знакомые, коллеги и начальник, конечно, удивились-откуда у Пятачка деньги, чтобы шиковать в подобных заведениях? Но поразмыслив, решили – кто этого чудака знает, может, у него богатая тетка в Америке померла. К тому же тяга к хляве, господа, в нашем народе неистребима. А потому ничего не стали у него переспрашивать и в назначенный час прибыли к ресторану со своими детьми, женами и любовницами.

Их встретил высокомерный, но упредительный швейцар в синем пальто с золотыми пуговицами и высокой английской шляпе. Профессиональным движением отворил дверь, с полупоклоном пропустил гостей внутрь. Там, среди хрустальных люстр, орехового интерьера, копий выдающихся маринистов с экспрессионистами, их приветствовал учтивый метрдотель. Он был похож на Луи де Фюнеса – такой же лысый, не смотрел в глаза и постоянно что-то бормотал себе под нос.

– К господину Пятакову? – спросил он

– К нему, к нему, проказнику, – ответил Петр Захарович, удивляясь и Пятакову и тому что видел вокруг. Во многих местах побывал, но такого блеска еще не приходилось.

Театрально взмахнув руками, метр пригласил в Синий, рыбный зал заведения.

Начальник Редькин важно кивнул, неспешно, как и положено руководителю, выпятив вперед живот, последовал за ресторатором. За ним, дико озираясь по сторонам, с открытыми ртами, поспешили остальные.

Под хрустальными струями фонтана, увитого диким виноградом, рядом с апельсиновыми деревьями в кадках, их ждал шикарно накрытый стол. И чего, господа, на нём только не было! Осетрина горячего копчения, по сравнению с теми морскими и речными деликатесами, которые там находились – просто килька в томате. Нет, то были японская Фугу в грибной заливке, филе серебристой трески в соусе Ша Ча, вырезка дикого сибаса «алла романа», трюфелем и соусом из Просекко и многое еще чего. Посреди стола – две кастрюльки с супами из крабов и прочих морских гадов. Все эти названия, господа, я конечно до того ни разу и не слышал.

У начальника Редькина так выкатились от восхищения глаза, что они чуть не выпали на блюдо с Королевскими креветками по-каталонски. Но он быстро взял себя в руки, сел во главе стола. Дозволил официанту налить себе на пробу белого вина. Глотнув, благосклонно кивнул. Только после этого остальные гости с шумом начали занимать места, накладывать в тарелки всё, что попадалось под руки. Им помогали несколько официантов. Затем они почетным караулом застыли рядом, готовые в любую секунду услужить дорогим клиентам.

Осушив не торопясь, с чувством, бокал калифорнийского Inglenook Cabernet Sauvignon Napa Valley 1968-го года и отправив в рот ложечку желтой икры белуги-альбиноса «Алмаз», начальник откинулся на спинку кресла, бросил на стол большую, как полотенце, салфетку.

– Позвольте, а где же наш юбиляр?

Все заморгали глазами – кажется, только теперь вспомнили ради чего и кого здесь собрались.

К Петру Захаровичу подскочил лысый метрдотель:

– Звонили. Просили передать, что задерживаются по срочному делу.

– Какое может быть срочное дело? – изумился начальник Редькин. – Вот еще новости. Впрочем, нам больше достанется, ха-ха. Налегайте, друзья, не стесняйтесь.

Ели много, пили еще больше. Блюда менялись так часто, что «друзья» не успевали как следует распробовать их вкус. А когда наступило пресыщение, то в этом уже и вовсе отпала необходимость.

Время шло, а Дима так и не появлялся.

– Ну и куда провалился этот Пятак? – начал что-то предчувствовать начальник. Но появившиеся цыгане с бубнами и скрипками так начали зажигать, что Редькин обо всём забыл. Он вместе с перемазанными заморской икрой коллегами и их родственниками стал отбивать чечетку под венгерский танец и даже исполнил цыганочку с выходом.

В глубоких сумерках его тронул за плече метрдотель:

– Звонили. Просили передать, что заболели.

– Что? – выкатил красные глаза Петр Захарович, продолжая плясать.

– Юбиляр слег.

– Не понял.

– Что же тут непонятного? Еще вина нести или сразу счёт? Наконец до начальника дошло. Он хлопнул в ладоши, музыка стихла.

– Пятакова не будет?

– Сказали, что не могут.

– А деньги? Он предоплату вносил?

– Нет, только стол и ассортимент через Интернет заказал, на 30 человек.

– Как же вы так опрометчиво... – выдавил из себя Редькин, ощущая во рту каракумскую сушь. – Черт бы побрал этого Диму.

– Может, он в аварию на машине попал? – предположил кто-то.

– На какой машине? У него и велосипеда-то трехколесного никогда не было, – сказал один из коллег Димы.

Все начали набирать Пятакова, но номер не отвечал. Когда принесли счет, Редькин рухнул на стул, вытер лоб полотенцем. Еле наскребли всем миром нужную сумму, оставшись почти без копейки.

– Ну, Пятачок, я из тебя рагу с перцем чили сделаю! – сжал кулаки начальник. – А для начала просто морду набью.

Резко обнищавший народ горячо поддержал руководителя и дружно направился на Семёновскую, где жил Пятаков.

Звонили, стучали целый час. Бестолку. Хоть и злы были на Диму, но заволновались. Мало ли что? Может, сердечный приступ. Жил он бобылем, ни родственников, ни собаки. Вызвали МЧС, взломали дверь.

По всей квартире были разбросаны пустые бутылки из-под портвейна. Но хозяина нигде не было. Пришлось звать полицию. Стражи порядка обнаружили Диму на балконе. Он был в одних трусах и, закрыв от страха лицо руками, трясся среди банок с маринованными огурцами.

– Я вам праздник устроил, – пролепетал он. – Когда бы вы сами собрались? Скучно ведь. Пронесется жизнь и вспомнить будет нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.